ВИНОВЕН НАПОЛОВИНУ

КРИСТИНА КОТЕЛЬВА

18+

Кристина Котельва

Виновен наполовину

«Автор»

2022

Котельва К. В.

Виновен наполовину / К. В. Котельва — «Автор», 2022

Долгие годы он давал им имена и решал их судьбы, определяя кто жертва, кто палач. Но однажды они вырвались на свободу и громко заявили о себе, однако о нём не смогли сказать ни слова. Кто он теперь: жертва или преступник?«Ученик никогда не превзойдёт учителя, если видит в нём образец, а не соперника»В.Г. Белинский

© Котельва К. В., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Благодарности 5
Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 18
Глава 3 28
Глава 4 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Кристина Котельва
Виновен наполовину

Благодарности

Этой книги не было бы без самых главный людей в моей жизни – без моих родителей. Я благодарна им за моё счастливейшее детство, за воспитание, за ту безграничную любовь, что они дарили мне на протяжении всей их жизни. Благодарю мою дорогую тётушку, она любила меня искренне и безвозмездно. Я верю, что вы смотрите на меня с небес и гордитесь мной.

Благодарю моего мужа. Без его поддержки я бы точно ничего не осуществила. Если я подойду к нему с фразой: «Я тут кое-что придумала, но для осуществления задуманного мне нужно полететь в космос», – он не будет крутить у виска, а кинется искать способы меня туда отправить.

Благодарю моих детей. Рома – мой лучший друг, мой критик, советник и корректор по совместительству.

Спасибо моей дочери Дашеньке. Она терпеливо ждала, пока я писала роман. А писала я его девять месяцев.

Низкий поклон моему учителю русского языка Вострых Галине Павловне. С первого урока она смогла влюбить меня, одиннадцатилетнюю девчонку, в великий русский язык.

Благодарю моего наставника и редактора Щеглову Ирину Владимировну. Как же долго я вас искала.

Благодарю моего друга и одноклассника Воеводкина Константина Борисовича за профессиональную консультацию. Если всё же что-то не так, прости. Я художник, я так вижу (здесь должен быть весёлый смайлик).

Благодарю за консультацию мою дорогую Юлию Купавых. Юлия – Волонтёр с большой буквы. Несколько лет Юлия занимается спасением бездомных животных, коих на её счету уже не один десяток.

Спасибо за поддержку моему другу детства – Надюшке Коробко.

Благодарю Александру за помощь. Отвечая на твои вопросы, я чувствовала себя как на защите дипломной работы.

Моим самым близким друзьям я тоже говорю спасибо! При каждой встрече они спрашивали: «Ну что, когда уже допишешь?» Это очень мотивировало. Женя, Люба, еще раз спасибо.

И, конечно же, вас, я благодарю вас, дорогие мои читатели. Без читателей нет писателя.

Приятного чтения.

С уважением, автор.

Пролог

Мишка с трудом толкал перед собой коляску с младшим братом, пока тот в ней тихо сопел. Нужно было следить, чтобы тюлевая накидка не спадала с козырька коляски, а то сразу комары налетят, отчитывайся потом перед родителями. Позади шёл его средний брат, Егор. Он запускал бумажные самолётики и постоянно сворачивал с узенькой тропинки в лес, чтобы поднять их. Мишка сделал несколько попыток ухватить брата за руку, но тот вредничал, вырывался и убегал.

– Не убегай, слышь, потеряешься же, а меня мама потом убьёт, – сердился Мишка, но Егора это ещё больше подзадоривало.

– Бесишь… – Выругался Мишка и остановился, чтобы передохнуть. Он присел на корточки, опершись левым локтем о колено, стёр пот, по-мужски сплюнул на землю и достал из корзины фляжку с водой. Отвинтил крышку, сделал несколько больших глотков и окликнул Егора. Егор бегал по тропинке вперёд-назад, поднимая в воздух сухую пыль.

– Пей давай, а то сейчас только уберу бутылку – начнёшь ныть, что пить хочешь, – приказывал Мишка.

Егор не подчинился и продолжил бегать, пуская самолётики.

Мишка психанул, закрутил флягу и бросил назад в корзину. Деловито вскинул руку и посмотрел на часы:

– Одиннадцать часов двадцать три минуты, – прошептал он. «Мама сказала, раньше двенадцати не возвращаться. Ещё так долго с ними надо гулять», – думал он с досадой.

– Ладно, пошли, вредина, – буркнул Мишка едва слышно, снял коляску с тормозов и зашагал вперёд.

Лучи полуденного солнца сквозь кроны деревьев падали на лицо младшего брата, тот начинал щуриться и ёрзать. Мишка боялся, что Костик проснётся и начнёт плакать, вот тогда им точно придётся возвращаться домой. Но после обеда его опять заставят гулять с братьями, а ему так хочется сходить в гости к Кольке. Ещё позавчера они договорились о встрече, чтобы обменяться марками и похвастаться новыми вкладышами от жвачек. А ещё Колькин папа привёз заграничные спички с розовой серой, и горят они ярче наших, так сказал Колька. Мишка ловко развернул коляску и потащил её за собой, покачивая и приговаривая: «ч-ч-ч, у-у-у, ч-ч-ч, у-у-у», – укачивая младшенького.

Сощурившись и поглядывая одним глазом на солнце, он представлял, как они с Колькой вечером будут жечь иностранные спички, облизывать соленую серу и мечтать о путешествиях. Его смуглое лицо с выгоревшими бровями растянулось в улыбке.

Егор резво бежал впереди. Едва он успел обернуться и посмотреть на брата, как тут же шлёпнулся и громко заревел.

– Ну вот, я так и знал, теперь меня точно мама никуда не отпустит.

Мишка не спеша подошёл к брату и сквозь зубы выдавил:

– Да не ори ты, сам виноват, говорил же тебе не бегай.

Он дёрнул его за руку и усадил на пень, взял из коляски флягу с водой, промыл небольшую ссадину, оторвал лист лопуха и прилепил на рану. Егор продолжал хныкать, но уже не от боли, а скорее от вредности. Мишка схватил его за предплечье и приказал идти строго за ним.

– Понял? – Переспросил он. Тот угукнул и хитро улыбнулся.

Мишка взял коляску и неспешно покатил её в сторону дома.

«Обратная дорога займёт минут двадцать, не больше. Как раз к двенадцати придём, как мама и просила», – деловито размышлял он, складывая в уме часы с минутами.

– Иди и не отставай, понял? – Ещё раз приказал Мишка и обернулся, но Егора не увидел.

– Егор, – позвал он, – выходи, не смешно. Я вот маме все расскажу: и что плохо себя вёл, и что опять прятался, она тебе ремня всыплет. – Но в ответ только шум раскачивающихся деревьев. Он ещё раз позвал брата – тишина.

Мишка остановился, почувствовав во рту вкус железа. Он знает этот вкус и ни с чем не спутает. Дыхание стало частым, но надышаться не получалось. Мишка широко открыл рот, пытаясь крикнуть, но ему лишь удалось выдавить едва слышное шипение. Ноги перестали слушаться, уши заложило, вокруг все поплыло. Мишка плюхнулся на землю, сделал глубокий вдох и истошно завопил:

– Его-о-ор!..

Он закричал так, что с деревьев вспорхнули птицы, крик эхом разнесся по густому лесу. Он опять глубоко вдохнул и постарался крикнуть ещё громче, но голос предательски пропал.

Тотчас, где-то совсем рядом, он услышал хруст веток. Страх тут же отступил. Мишка схватился рукой за нательный крестик и, сжав его крепко в кулак, побежал в сторону звука. Никого… Хруст повторился, но с другой стороны. Мишка обернулся и посмотрел на коляску. Коляска слегка раскачивалась из стороны в сторону, – Костик проснулся. Мишка сделал ещё один нерешительный шаг в глубь леса, но, испугавшись, вернулся к коляске, вытащил из неё брата и стремительно побежал домой.

Он знал, что когда Костик вырастет, то подтвердит, что Мишка ни в чем не виноват. Ведь он следил за ними. Следил так, как мог это сделать девятилетний мальчишка. Ведь всегда всё было хорошо.

За калиткой появилась мама и сразу ринулась к детям навстречу. Она размахивала руками, что-то кричала, забрала Костика и, прижав его к себе, схватила Мишку за шиворот и затащила его во двор. Она кричала, но Мишка почти ничего не слышал. Дома мама села у телефона и стала звонить. «Папе, наверное, – решил Мишка. – Сейчас они вместе с ним пойдут в лес и найдут Егора, и коляску заодно прикатят». А ещё он подумал, что к Кольке сегодня его точно не отпустят и рухнул без сознания посреди большой гостиной.

Глава 1

«Сильные порывы ветра постоянно толкали Ирму в обратном направлении, мокрый снег больно бил в лицо. Она повернулась и пошла спиной навстречу ветру. Лужи покрывались тонкой коркой льда, тротуарные дорожки превращались в каток. Ирма изо всех сил старалась удержаться и не упасть. Через пару кварталов, в уютном кафе, в их кафе, её ждал неприятный разговор, но об этом знала только она. Всю ночь она репетировала что сегодня скажет и старалась предположить, что он на это ответит. «Я не обязана ничего объяснять, я свободный человек, я просто хочу от него уйти. Я больше так не могу», – уговаривала она себя, как бы оправдывая своё решение.

– Всё, решила, иди и говори, – строго приказывала она себе.

Ещё два квартала и она доберётся до места, но сил сопротивляться стихии оставалось меньше.

– Скорее всего он не придёт, – думала Ирма, – да и я уже опаздываю, а он ждать не любит. Неужели всё зря… Зря переживала, не спала, столько всего передумала за это время, и вот сама природа против нашего разговора.

Очередной порыв ветра заставил Ирму свернуть в ближайший переулок и отдышаться. Она оперлась о стену дома спиной и почувствовала вибрацию в своём рюкзаке. «Наверное, он звонит», – думала она и от этого становилось ещё хуже, местами даже страшно. Она не хотела злить его раньше времени. Ирма попыталась открыть рюкзак и достать телефон, но руки так сильно замёрзли, что она тут же передумала и решила просто идти дальше.

Из-за метели стемнело раньше обычного. Остатки солнечного света поглотили снежные тучи. Вот-вот зажгутся уличные фонари. Ирма сжалась, закрываясь от ветра, собралась с силами и направилась через дворы к месту встречи в надежде, что разговор всё же состоится.

Неожиданно она уловила знакомый аромат. Ирма прищурилась и осмотрелась перед собой. Никого. Почувствовав на себе чей-то взгляд, она медленно стала оборачиваться, но не успела и застыла в цепком удушающемся захвате…».

– Нет, нет, ну не душить же он её будет в такую погоду. А что тогда? Зарежет? Тоже нет. Это какое лезвие у ножа должно быть, чтоб и дублёнку проколоть, и человека?.. Может, нож охотничий? Нет, нет, так и крови много будет. Не люблю я кровь описывать в книгах. Стрелять? Тоже нет, однозначно нет. В окружении жилых домов, во дворе, где в любую минуту свидетели появятся, ну конечно нет. Думай, думай, – приказал себе Михаил Борисович, откинулся на спинку кожаного кресла, снял очки и швырнул их на стол. Потер уставшие глаза, помассировал переносицу и захлопнул ноутбук. Достал простой карандаш из верхнего ящика и начал дробно стучать им по столу. Стучал с такой силой, что карандаш выскочил из его рук и отлетел в другой конец комнаты. Михаил Борисович зарычал от злости, вскочил с кресла и вышел на маленький балкончик из кабинета, облокотился о перила и попытался успокоиться. Душистый аромат цветущих роз доносился аж до второго этажа. Михаил Борисович закрыл глаза, глубоко, шумно вдохнул и медленно выдохнул.

– Почти семь часов вечера, – с досадой заметил он и вновь злобно рыкнул. Из кабинета доносилось легкое цоканье. На балкон к хозяину присоединилась благородная венгерская выжла охристого окраса. Она уткнулась мордой ему в колено и завиляла хвостом. – Каштанка, девочка моя, – теребя её за ухо, говорил он любимой псине. – Ты пришла узнать, как у меня здесь дела? Да никак пока… никак. Не выходит ничего. Совсем ничего не вы-хо-дит.

Собака смотрела точно в глаза, словно всё понимала, виляя жилистым хвостом.

– Думала, я о тебе забыл? Сейчас, сейчас пойдём.

Михаил Борисович прикрыл балконную дверь, взял очки со стола и направился к скрипучей лестнице, ведущей вниз.

Почти спустившись, он опомнился, что бросил ноутбук прямо на столе.

– Ты почему мне не напомнила? – Обратился он к собаке и тут же вернулся в кабинет. Каштанка медленно потрусила за ним. – Ты чего? Куда идёшь? Иди вниз, иди! Гулять! Каштанка, гулять! – Скомандовал он собаке и хлопнул перед её мордой пару раз в ладоши. – Иди, иди вниз, я сейчас вернусь.

Каштанка послушно сбежала по лестнице в просторную гостиную.

Михаил Борисович спрятал ноутбук в сейф, закрыл двери кабинета и спустился в прихожую. Он причесал коротко стриженные седые волосы, пригладил аккуратную бороду, сунул в карман футляр с очками и присел завязать шнурки на прогулочных кедах.

Каштанка без устали махала хвостом, переминаясь с лапы на лапу. Она была готова сорваться с места и бежать, поднимая дорожную пыль, как вдруг резкий звук заставил её выпрямиться и замереть. Грохнуло где-то наверху. «Балконная дверь, – пробежало в голове у Михаила Борисовича. – Нет, точно ж помню, что закрывал. Может, Семёновна? Но ведь она приходит по средам, да, точно по средам. По средам же? – Задавал он сам себе вопросы и тут же отвечал на них, – …по средам, по средам. Иванович ещё в полдень ушёл, полил всё и ушёл, да и в дом он не заходит никогда, что ему тут делать-то?» Он посмотрел на собаку. Каштанка стояла, слегка приподняв переднюю лапу, уши сдвинула к макушке, хвост не шевелился совсем.

– Кто там, Каштанка? Кто? – Командным голосом спрашивал Михаил Борисович.

Каштанка зашевелила носом, опустила переднюю лапу и всем телом подалась вперёд, но подниматься наверх не спешила. Потом резко сорвалась с места, взлетела по лестнице вверх и застыла. Вильнув пару раз хвостом, она так же быстро спустилась вниз, подбежала к входной двери и встала на неё передними лапами, намекая, что им пора выдвигаться.

– Быстрая ты. Ты считаешь, что мы можем идти?

Каштанка проскулила, словно соглашаясь с ним.

– Ну, как скажешь, – подчинился Михаил Борисович и открыл входную дверь.

Они медленно шли по привычному маршруту и наслаждались прогулкой. Каштанка знала, что здесь, на этом участке дороги, она должна идти рядом и шла, практически прижавшись к ноге Михаила Борисовича. Свернув в сторону небольшого пруда, хозяин дал команду «можно», и собака рванула, поднимая клубы пыли. Иногда он присвистывал ей, когда терял из вида, и она бежала назад. «Невероятно умная собака», – восхищался он.

Солнце почти село за горизонт, и возле воды комары не давали ни секунды покоя.

– Нам пора возвращаться, – обратился он к Каштанке.

Всю дорогу домой собака резвилась, словно щенок, хотя сама отпраздновала в этом году десятилетний юбилей.

Михаил Борисович отворил тяжелую калитку. Первая во двор влетела собака и сразу направилась к дому. Михаил Борисович зашёл в небольшой кирпичный сарайчик с садовым инвентарём, взял секатор и нарезал перед домом цветов. Каштанка тем временем скребла лапами по входной двери. Она была очень настойчива, и дверь приоткрылась. Не дождавшись хозяина, она вбежала в дом, направившись прямиком на кухню, утолить жажду.

Михаил Борисович стоял у входной двери и не спешил входить в дом, так как был полностью уверен, что запер его перед выходом.

Увидев в дверях хозяина, собака подбежала к нему, пока тот стоял и вслушивался есть ли кто-нибудь ещё в доме, кроме него. Михаил Борисович сунул руку в карман и достал баллончик от комаров. Вооружившись, он тихо, переступая с ноги на ногу, прошёл сначала на кухню, положил цветы на стол и осмотрелся. Потом вытащил из ящика кухонный нож и отправился проверять гостиную. Обойдя все комнаты, Борисович вернулся в прихожую и закрыл входную дверь. Каштанка всё это время спокойно ходила по дому, а потом и вовсе завалилась на коврик возле камина. Михаил Борисович пытался вспомнить каждый свой шаг перед выходом на улицу, но никак не мог вспомнить запер ли входную дверь.

Он присмотрелся ещё раз к собаке, та всё так же спокойно лежала у камина. Михаил Борисович немного расслабился: если бы в доме был чужой, Каштанка обязательно бы отреагировала.

Он поднялся и осмотрелся на втором этаже, всё спокойно. Смеясь над самим собой, спустился вниз на кухню, чтоб вернуть нож в ящик. Забрал вазу с цветами и вернулся в гостиную.

На полку у камина он поставил вазу и придвинул к ней старое пожелтевшее фото в рамке. А ещё он точно знал, что ночь сегодня будет бессонная и вернулся в кухню. Достал хьюмидор из испанского кедра, вытянул сигару, срезал гильотиной кончик, зажёг её курительными спичками и сделал несколько затяжек.

…Мишка отодвинул кружевной тюль и продолжил курить в открытое окно.

Он сделал затяжку, как его учил Колька, и тут же закашлялся. В глазах потемнело, слегка затошнило, но он продолжал курить, ну не слабак же – тоже может дымить, как пацаны во дворе. Но голова предательски закружилась. Мишка положил папиросу в пепельницу, задрал голову, глянул на часы с кукушкой, слегка прищурился, фокусируя взгляд на циферблате: «Большая стрелка на двенадцати, маленькая на пяти, значит, сейчас ровно пять часов», – со знанием дела сообщил он сам себе, деловито взял тлеющую сигарету из хрустальной дедовой пепельницы и продолжил курить в окно. Он знал, что бабушка работает до шести, а потом ещё зайдёт к тёте Маше в магазин, чтобы купить пачку примы для деда, чёрного хлеба к ужину, молока, любимых Мишкиных конфет, консервы для дворовых бездомных кошек и какую-то крупу, чтобы сварить кашу для Тумана. Потом бабуля заглянет к деду на могилку, поругает его за то, что тот мало спал и много работал, что больше, чем другие, курил, что пил крепкий кофе, положит ему пачку сигарет, несколько конфет оставит на скамейке и пойдёт домой. В запасе у него было часа полтора. Мишка сидел на подоконнике и выпускал один клуб дыма за другим. Он очень скучал по Кольке, они так давно не виделись. В тот страшный день его так и не отпустили к другу. Потом он положил сигарету в пепельницу и смотрел как та тлеет, оставляя стальной пепел. Мишка дунул, и пепел разлетелся по всему подоконнику, он громко захохотал, смеялся так, что уже не мог остановиться, и даже не заметил, как его смех перешёл в плач. Вот уже Мишка громко всхлипывал. Глядя на пепел, он вспоминал как они копали с дедом червей и собирали их в консервную банку и ездили на рыбалку. Как пили квас из бочки, как сушили солёных бычков на верёвке, и как соседский кот воровал вяленую рыбу. «Никого… никого у меня не осталось! Отправили меня к бабушке одного, а я домой хочу, к друзьям хочу», – сквозь слёзы бубнил Мишка.

Резкий звук открывающейся калитки заставил Мишку замереть. Он чуть не помер со страху. Потом он услышал, как весело взвизгнул Туман.

«Бабуля!» – промелькнуло у него в голове. Он соскочил с подоконника и глянул на часы, кукушка показывала, что по-прежнему пять часов вечера.

– Долбанная кукушка, – выругался Мишка. – Правильно дед говорил, этой птице верить нельзя. Мне конец, бабуля меня убьёт. Весь подоконник в пепле. И стул… И запах сигарет по всему дому.

«Чтобы бабушка ни о чём не догадалась, надо просто её сюда не пускать», – в миг решил Мишка и побежал закрыть входную дверь. Он подпёр её спиной и задвинул засов. Потом помчался в бабушкину комнату, схватил флакон духов с полки, отвинтил ярко-красную крышку и, размахивая открытым флаконом, прошёлся по залу, расплескивая въедливый аромат «Красной Москвы». Рукой смахнул с подоконника пепел, оттащил стул от окна, задернул тюль, веником замёл пепел под ковёр и упал на диван, притворившись спящим.

Бабушка прошла мимо открытого окна и крикнула:

– Мишенька, внучек, я дома.

Мишка зажмурился ещё сильнее и прижался спиной к пёстрому ковру.

– Миша, – вновь крикнула бабушка, и сразу же послышались глухие шаги.

– Один, два, три, всё… – Посчитал ступени Мишка, и тут же в дверь постучала бабушка.

– Миша! Мишенька, – кричала бабушка, – ты чего там, уснул?

Тишина.

– Мишка! – Она вновь стукнула кулаком по двери.

– Да что ж такое?! – Недовольно кричала она, спускаясь с крыльца. Бабушка подошла к распахнутому окну и со всей мочи закричала на внука:

– А ну, просыпайся! Ты чего это на закате спать улёгся, а? Кто ж на закате спит? Ночью чем будешь заниматься? Мишка, вставай!

Мишка как мог тянул время. Он даже мычал будто спросонья и пару раз перевернулся с боку на бок на диване. Бабушка была настойчива, но уже менее обеспокоена.

– Ну, щас, – крикнул Мишка.

– Скорее давай, я пить хочу, не могу, – ответила бабушка.

Мишке ничего не оставалось делать, как открыть ей дверь. Он не так боялся того, что бабушка узнает о его проступке, как того, что она позвонит родителям и будет им высказывать, что они плохо воспитали сына, уделяли ему мало времени, а теперь ей приходится всем этим заниматься, а ведь она уже не в том возрасте, когда можно так нервничать. Опять вспомнит про деда, расплачется. А потом обнимет Мишку и скажет, что всё равно его любит, но мама сильно огорчится и опять не захочет забирать его домой.

А ещё на днях Мишка с бабушкой зачем-то ездили в местную школу, в ту, которая находится недалеко от бабушкиного дома.

Мишка не спеша встал с дивана, набрал в стакан воды и подошёл к входной двери. Подпёр её коленкой и одной рукой отодвинул засов. Распахнув дверь, сунул растерянной бабушке стакан и ловко проскользнул на улицу. Не оглядываясь, отцепил Тумана, и они умчались вместе со двора.

Они бежали, что есть мочи по старому, заросшему крапивой стадиону в сторону деревенского клуба. Всю дорогу Мишка оборачивался назад. Бабушка выскочила за калитку вслед за ними. «Мишка! Туман, домой! Мишка! От паразит, ремня на тебя не хватает. Всех в могилу сведёт! – Кричала она им вслед. – Мне пирожки надо ещё… деду жарить… завтра уже сорок дней. Вот время летит… – уже не так грозно звучал её голос. – Некогда мне за тобой бегать, а ну возвращайся в дом», – вновь закричала бабушка. Мишка бежал, уже не оборачиваясь.

Добежав до клуба, они остановились. Мишка вытащил несколько колючек из пятки, потёр одну ногу о другую, раны неприятно пощипывали. Утер кулаком зарёванный нос и не спеша побрёл дальше.

Вечернее солнце всё ещё палило. Очень хотелось пить. Мишка повернулся к солнцу и поднял руку вверх, будто держит в руке стеклянную бутылку и смотрит сквозь неё на солнце. Сердце заколотилось, и ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание. Мишка присел на корточки, приобнял пса и, всё ещё всхлипывая, шепнул ему в ухо: «Один ты у меня остался…». Туман часто дышал, высунув язык, потом лизнул Мишку в лицо и улёгся на землю.

Мишка достал из кармана коробок спичек, сжёг несколько штук и облизал солёную сгоревшую серу. Потом вынул из полупустого коробка свой нательный крестик на верёвочке и принялся небрежно его распутывать. Надев его на запястье, как браслет, стал размахивать рукой так, что крестик описывал круги в воздухе. Наигравшись, спрыгнул со скамейки, позвал Тумана, и они пошли через клуб в центр станицы. Мишка шёл медленно, опустив голову, и смотрел как из-под ног пыль поднималась в воздух.

«Лучше бы я вместо деда помер, – думал он. – Тогда бабушка сидела бы с мамой на могилке и говорили бы обо мне только хорошее. Ну, так бабушка всегда говорит, что про умерших надо говорить только хорошее. Мама бы поцеловала мою фотографию и поставила её на тумбочку возле своей кровати. По утрам и вечерам зажигала бы возле неё свечи».

Так они дошли до старой церкви с деревянным колодцем у ограды. Мишка подбежал к нему, схватил привязанное верёвкой к вороту оцинкованное ведро, наклонил и заглянул в него.

«Пусто», – с досадой подумал он. Обошёл колодец с другой стороны, приподнялся на цыпочки и заглянул внутрь. Колодец дохнул на него холодом.

– Ого, глубокий, даже дна не видно. Темно и сыро. – Мишка испугался и отскочил. Потом поднял небольшой камень и кинул его в колодец. Ему казалось, что прошло так много времени, прежде чем он услышал «бульк». – Очень глубокий, – без сомнения произнёс он и тут же столкнул с торца колодца ведро. Оно полетело вниз с грохотом и ударилось о воду. Мишка попытался вытащить его, но сил не хватило. Тогда он стал дёргать веревку и слушать как ведро ударяется о воду.

– Туман! – Крикнул он в колодец и услышал свой голос. Туман сидел рядом. – Мам! Мама! – Продолжал кричать Мишка в колодец. – Ты меня любишь? Я хочу домой!

– Я хочу домой! – Отвечал колодец эхом.

Назойливое дребезжание вывело Михаила Борисовича из задумчивости.

– Михаил Борисович? – Звучал женский голос в трубке телефона. – Это Нина, редактор. У меня села батарейка на телефоне, и я звоню с рабочего. Мы с вами договаривались завтра днём увидеться. Но до встречи вышлите, пожалуйста, мне на электронную почту всё, что вы уже написали. Адрес тот же. Но я, на всякий случай, отправила вам тестовое письмо.

– Да, да, Нина, всё в силе. А напомните мне, пожалуйста, на какое время мы с вами договаривались и точно ли на завтра? Сегодня что? Неужели уже вторник? – Едва слышно прошептал Михаил Борисович, потирая уставшие глаза.

– Ага, ага, сегодня уже вторник. Вот, у меня всё записано, среда в восемнадцать сорок пять, ресторан «Абрикос». Ну, я вас жду, верно? – Тарахтела бодрым голосом Нина.

– Естественно, – сухо ответил Михаил Борисович и отключил трубку. – Боже мой, неужели действительно завтра уже среда, – всё ещё сомневаясь, буркнул он и посмотрел на дисплей телефона.

– Среда, точно среда. Как я так мог запутаться в днях? Пойду прилягу, может, удастся уснуть хотя бы на пару часов, – решил он и направился в спальню.

На прикроватной тумбочке сработал будильник.

– Девять тридцать, – с досадой заметил Михаил Борисович. Он облокотился одной рукой о край тумбы, другой дотянулся до кнопки будильника и нажал на неё. Рукавом пижамы стёр осевшие за ночь пылинки с белой лакированной поверхности и встал с кровати. Одёрнул плотные льняные шторы в спальне, стоя у окна, сделал скупую утреннюю зарядку и, шаркая, направился к лестнице. Каштанка шла вслед за хозяином.

Вот уже на кухне гудит кофемашина, перемалывает зёрна, и по дому разлетается терпкий аромат свежесваренного кофе. Михаил Борисович взял утреннюю двойную дозу и направился в кабинет. Подойдя к сейфу, он ввёл код, открыл его, достал рабочий ноутбук, нажал кнопку включения, но ноутбук не отреагировал.

– Хм, что такое? – Вновь нажал на кнопку включения, но техника опять не реагировала, – Вот те на, что за дела? Может, батарея?.. Так ведь не должна же, вчера вечером зарядил.

Михаил Борисович вытянул из сейфа зарядный шнур и подключил ноутбук к сети. Подождал немного и в третий раз попытался его включить. Наконец-то экран загорелся.

– Ну вот, а я уж было начал думать чёрт-те что.

Пока система прогружала файлы, Михаил Борисович открыл балконные двери и впустил в кабинет жаркий сухой воздух и сладкий аромат цветов. Садовник уже растянул по дорожке желтый поливочный шланг и открыл кран.

Михаил Борисович достал из футляра рабочие очки в роговой оправе и нацепил их на кончик носа, сделал ещё несколько глотков слегка остывшего кофе, уселся в чёрное кожаное кресло и, раскачиваясь в нем, принялся перечитывать написанное. «Внезапно Ирма… м-м-

м», – он бегло промычал часть текста, – «…Подняла голову… ага, угу, угу… аромат ветивера… и сандалового дерева… Кто-то схватил её сзади за шею», – продолжал он вычитывать текст вперемешку с мычанием.

«Она вцепилась обеими руками в крепкую мужскую руку и повисла на ней… Она вцепилась обеими руками в крепкую мужскую руку и повисла на ней», – перечитал ещё раз предложение Михаил Борисович.

– Она вцепилась и повисла?.. – Прочитал он вслух вопросительно.

«Задыхаясь, начала лягаться, крикнуть не получалось и она застонала», – Михаил Борисович смотрел удивленно в текст. Он читал его очень медленно и постоянно оглядывался. «Кажется, ей удалось попасть по голени, и преступник взвыл и усилил удушающий захват. Ирме не хватило воздуха, тело отяжелело, она бултыхалась ещё несколько секунд, затем почувствовала слабость в ногах и легкое головокружение и потеряла сознание. Он взял её поудобнее и поволок к своему старенькому автомобилю, который стоял в паре метров от них. Ирма слегка улыбалась, казалось, что страх исчез и она была счастлива в эти минуты. Преступник усадил её на переднее сиденье слева, пристегнул ремень безопасности и закрыл пассажирскую дверь. Сел за руль, достал из бардачка шприц, снял с него колпачок и ввёл препарат Ирме в нижнюю часть бедра. Она даже не дёрнулась. Он заблокировал двери, включил дворники, переключил коробку передач и надавил на газ. Машина сорвалась с места и выехала из двора на центральную улицу. Он включил ближний свет. Автомобиль влился в поток и медленно продолжил движение. Навигатор сообщил: «время в пути: девятнадцать минут». Видимость ухудшилась. Он знал, что через пол часа жертва умрёт, тогда-то он и сделает запланированное фото».

Михаил Борисович в очередной раз замолчал и ещё раз перечитал текст с самого начала. Он так увлёкся, что не заметил, как в дом вошла Екатерина Семёновна. Михаил Борисович дёрнулся:

– Екатерина Семёновна, ну я же просил вас, без стука сюда не входить.

– Но я стучала, – оправдывалась она, – вы молчали, и я рискнула войти, потому как подумала, не плохо ли вам там сталось, вы в последнее время неважно выглядите.

– Екатерина Семёновна, а давайте каждый будет делать свою работу, договорились? – Раздраженно попросил он и отпил из кофейной кружки, закрыл ноутбук, ухватился обеими руками за голову и откинулся на спинку кресла. Екатерина Семёновна тихо вышла из кабинета. Михаил Борисович осмотрелся, будто пытался кого-то найти. Потом вскочил, утёр со лба испарину и закрыл балконную дверь. На столе отыскал пульт, включил кондиционер. Вновь открыл ноутбук и ещё раз перечитал написанное. Потом прочитал ещё раз, и ещё.

– Всё-таки я гениальный писатель, – он самодовольно ухмыльнулся, открыл электронную почту, прикрепил готовый файл и нажал «отправить». – Через четыре часа мне нужно быть в «Абрикосе», значит выехать нужно уже через три часа, – решил он и стал неспешно собираться на деловую встречу с редактором.

Михаил Борисович расстегнул верхнюю пуговицу на белоснежном поло, нанёс дорогой парфюм, окинул взглядом дом, перед выходом потеребил Каштанку за уши, взял связку ключей, как вдруг зазвонил домофон с поста охраны.

– Михаил Борисович, вас хотят видеть и настойчиво просят пропустить.

– Настойчиво они просят, – недовольно ответил Михаил Борисович. – Но я не хочу никого видеть, и вообще мне некогда.

– Михаил Борисович, мне кажется, я не смогу ему отказать.

– С чего это? Что там за персона, которой нельзя отказать?

– Полиция. Он хочет задать вам вопросы, – чуть снизив тон, пробормотал в трубку домофона охранник.

– Ну, пусть постоит ещё, подождет. Я как раз сейчас выезжаю, – сказал он и повесил трубку домофона.

– Полиция… Какого чёрта?..

Он закрыл входную дверь, нажал на брелок, и гаражные ворота стали медленно подниматься. Михаил Борисович ещё раз дернул входную дверь, убедился, что та заперта и направился к машине.

Настроил радио на любимую волну и, постукивая ритмично по рулю, направился к шлагбауму под трек Патрисии Каас.

– Мадемуазель шант лё блюз, – подпевал он кумиру.

У шлагбаума, возле охранной будки, он увидел коротко стриженного ушастого мужчину невысокого роста в серых брюках и светлой футболке. Он разговаривал по телефону, активно размахивая руками. Заметив Михаила Борисовича, он отключил телефон и направился к машине. Михаил Борисович кивнул охраннику, и шлагбаум поднялся. Михаил Борисович подъехал к незнакомцу и остановился напротив него.

– Здравствуйте. Вурсало Михаил Борисович? – Неожиданно начал незнакомец, наклонившись к открытому окну автомобиля.

– Верно, верно. У меня, знаете ли, всё по записи, с временем огромная напряжёнка. Так что у вас буквально минута, – пренебрежительно продолжал Михаил Борисович, демонстративно отворачиваясь от собеседника.

– Терехов Илья Валерьевич, старший следователь, – представился он и показал Михаилу Борисовичу удостоверение.

– Илья… – Михаил Борисович поморщился, пришлось прочитать отчество.

– Валерьевич, – подсказал майор.

Михаил Борисович коротко глянул на настырного следака: молодой, коротко стриженый, лицо простое – ничего примечательного, ну, если только уши.

– Илья Валерьевич, – с досадой повторил Михаил Борисович, – моё время расписано по минутам, и я вполне могу отказаться от разговора, верно же? Мы ведь оба прекрасно об этом знаем.

– Знаем, знаем, Михаил Борисович, но тогда мне придётся вас вызывать повесткой. Но в отделении можно провести минимум пол дня, и это в лучшем случае. Полагаю, вам там не очень-то и комфортно может оказаться. Так что рекомендую уделить мне всего пару минут. Тем более что разговор вас явно должен заинтересовать.

– Ну, что ж, попробуйте заинтересовать, товарищ…

– Майор, – в очередной раз терпеливо напомнил следователь. – Терехов Илья Валерьевич.

– У вас две минуты, меня ожидает редактор. Я не могу себе позволить опаздывать на встречу к женщине.

– Михаил Борисович, вы очевидно не в курсе, но похоже у вас появился «поклонник». В городе произошёл ряд преступлений схожих с вашими изданными литературными произведениями. Я надеюсь, вы понимаете, что у кого-то вы вызываете особый интерес? Скажите, вы ничего подозрительного не замечали в последнее время? Или кого-то? Может кто-то пытался с вами связаться каким-либо образом, записки, звонки или ещё какие знаки внимания были?

– Нет, никаких знаков. Я могу ехать? – Сухо ответил он.

– Можете. Конечно, можете ехать. Но всё же номер телефона я вам оставлю, вдруг, что-то вспомните, – сказал Терехов и протянул визитку. – Всего хорошего, – пожелал он, сел в запылённую машину и уехал прочь.

Михаил Борисович прикрыл окно, бросил визитку на пассажирское сиденье и направился в сторону города.

На входе в «Абрикос» его встретила пара любезных официантов.

– Здравствуйте, вы бронировали столик? – Спросил один из них.

– Бронировал, бронировал, меня уже ждут. – Ответил Михаил Борисович раздражённо.

– Хорошо, присаживайтесь, пожалуйста.

Нина уже несколько минут ожидала его в ресторане. Перед ней стоял почти пустой стакан воды.

– Миха… – начала было Нина, но Михаил Борисович её перебил.

– Нина, меня немного задержали по дороге, надеюсь, это не сильно повлияет на нашу с вами беседу. Вы что-нибудь будете? Я угощаю.

– Мне бы чаю с чабрецом, – скромно попросила Нина.

Официант уже стоял рядом и записывал заказ в маленький блокнот.

– А мне, пожалуйста, паштет из печени с абрикосовым джемом и облепиховый чай. А девушке сырники с малиновым сорбетом.

Нина набрал воздуха, чтобы возразить Михаилу Борисовичу, но он её тут же остановил.

– Я настоятельно рекомендую вам попробовать их сырники, после них вы не захотите никакие другие. А пока мы ждём заказ, я готов ответить на все ваши вопросы. – Заявил он с улыбкой, убирая телефон в барсетку из премиальной кожи с узнаваемым логотипом на замке, и глянул на Нину так, что она слегка засмущалась и отвернулась к окну.

Михаил Борисович смотрел в одну точку и даже перестал моргать.

«Ничего подозрительного не замечали в последнее время?.. Может, что-то странное происходило? Никто вас не беспокоил? Не хочу вас пугать, но похоже у вас появился поклонник», – звучал в голове голос следователя.

Михаил Борисович встряхнул головой, пытаясь переключить внимание. На огромном экране, висящем на стене ресторана, шеф-повар безжалостно распотрошил утку и нафаршировал её медовыми яблоками, посыпал специями, обмазал пряным соусом и засунул в жаровню.

– А действительно, ничего подозрительного не происходило со мной? – Произнёс он.

– Я не совсем поняла вас. Повторите, – попросила Нина.

– Что? А разве я что-то сказал? – Повернувшись к ней, уточнил Михаил Борисович.

Нина, глядя в его голубые глаза, едва заметно кивала.

– Нина, вам показалось.

Она мило улыбнулась и продолжила листать ежедневник с записями.

«Приеду домой, наберу доктора Биродзэ. Хотя, может, ей действительно показалось. Сидит вон вся напряжённая. Наушник в ухе торчит. Небось, не вынимает их вообще, молодежь… а потом кажется им не пойми что».

– Михаил Борисович, с вами всё в порядке?

– Да, всё в порядке. С чего вы решили, что может быть не в порядке? – Сдерживая себя от крика и натягивая дружелюбную улыбку, ответил он, но мыслишка свербела: «Решено, приеду домой, наберу Биродзэ».

Нина открыла ноутбук и повернула его к Михаилу Борисовичу. Она что-то говорила и немного меняла местами слова в тексте. Он кивал и со всем соглашался. Нина настороженно смотрела на него.

– С вами точно всё в порядке?

– Да, вы же уже спрашивали, – он насупился, раздражение не отступало. Сегодня с утра все как будто сговорились выводить его из себя. – Всё в порядке… Разве что немного устал, мне и не восемнадцать, как вы, наверное, успели заметить. Вы весьма внимательны, Нина. – По её взгляду он понял, что перегнул палку и решил сменить тон.

– Значит, вы тоже так считаете? – Уточняла она.

– Что считаю? Что вы внимательны? – Шутка получилась натужная.

– Я про то, что могу здесь поправить, вот в этих местах. Я вам показывала только что. А вы учтите этот момент в следующей части вашей книги, хорошо? – Нерешительно спросила она. – А сырники действительно восхитительные, я такие ещё не ела. А почему вы ничего не едите? – Нина допила свой чай и выключила ноутбук.

Михаил Борисович молча кивал ей в ответ. Редактор в спешке взяла свои вещи и вышла из-за стола.

– Спасибо огромное, но мне пора бежать, – она бросила взгляд на настенные часы и протянула Михаилу Борисовичу руку. Он нерешительно протянул свою, слегка привстал, буркнул в ответ: «До скорого», – сел на место, и, не отрываясь, смотрел ей вслед, пока она не затерялась в толпе прохожих.

Внезапный женский смех за соседним столиком заставил Михаила Борисовича вернуться в реальность. Он взял нож в правую руку, поджаренную гренку в левую, и намазал на неё паштет, сверху добавил капельку абрикосового джема и аппетитно захрустел.

– Божественно, – запивая облепиховым чаем, восхищался он.

Отобедав, он откинулся на мягкую спинку дивана и стал всматриваться в прохожих. Одни шли в сторону набережной, совершенно не торопясь и наслаждаясь вечерними солнечными лучами, другие смеялись, громко перебивали другу друга, толкали и шумно бежали навстречу к морю. Солнце уже садилось на горные макушки, ещё чуть-чуть и оно совсем скроется за ними, наступит долгожданная вечерняя прохлада. Двери ресторана открывались всё чаще, и небольшой уютный зал наполнялся шумными парами, вышедшими на вечерний променад за бокалом цитрусового апероля. Михаил Борисович обернулся, чтобы подозвать официанта, и краем глаза заметил мужской силуэт. Он стоял напротив входа в ресторан, размахивая руками.

«Хм, какого чёрта он машет? И кому?»

Михаил Борисович огляделся. Он всматривался в присутствующих и старался найти того, кому машет незнакомец.

«Никого…» – Все бурно общались друг с другом, сидя за столиками. – «Да что ж ты машешь-то? Почему он кажется мне так знаком?»

Слегка отклонившись вместе со стулом, Михаил Борисович попытался мысленно нарисовать траекторию и найти того, кому же незнакомец подаёт знаки.

«Да что ты машешь-то? Почему тот, кому ты машешь, до сих пор так и не подошёл. Ладно, маши, маши. Где я мог его видеть? Что-то в нём очень мне знакомо, не пойму только что. Так, Михаил Борисович, тебе пора отдохнуть», – приказал он сам себе и вновь окинул взглядом зал в поисках уже знакомого официанта. Поднял руку и слегка прикрикнул:

– Меня кто-нибудь рассчитает сегодня?

– Одну минутку подождите, пожалуйста, к вам сейчас подойдут.

«Минутку там, минутку здесь…» – подумал он и опять обернулся к входу. Незнакомый силуэт продолжал стоять и махать. Михаил Борисович посмотрел позади себя, ожидая там увидеть тихо сидящую парочку, но там никого.

– Какого черта? Да кому же он машет? А если мне?..

«Ничего подозрительного не замечали?» – опять звучал голос майора в его голове.

Михаил Борисович вскочил с дивана и мгновенно оказался на улице. Выскочив наружу, он осмотрелся по сторонам, но внезапно появившаяся фигура так же внезапно исчезла. Михаил Борисович ринулся вслед за прохожими. Но они вдруг все резко остановились, он остановился вместе с ними.

«Почему мы стоим? – Думал он. – А, зелёный, – заметил, глядя на светофор и вытирая пот со лба. Он всматривался в каждого, кто стоял на перекрёстке, но так и не смог отыскать в толпе ту самую знакомую, как ему казалось, фигуру. Наконец, прозвучало «загорелся зелёный сигнал светофора. Можно переходить» и толпа ринулась переходить дорогу прямо на Михаила Борисовича. Он проводил взглядом каждого и направился к своей машине. Сел за руль, включил на всю систему климат контроля, сложил обе руки на руль и опустил на них голову.

– Где? Где же я мог его видеть? – Никак не мог успокоиться он. – Кто это и что ему надо? Боже, Боже, нет, зачем мне всё это? – Он почти сорвался на крик, как вдруг в окно автомобиля

постучали. Михаил Борисович ухватился рукой за сердце и глянул в окно. Там стоял официант. В одной руке он держал барсетку, а в другой онлайн кассу.

– Прошу прощения, не хотел вас напугать. Вы так быстро выбежали и оставили свои вещи.

– Это не я быстро ушёл, а вы медленно работаете, – выхватывая барсетку из рук, поправил он молодого официанта.

– Наличный или безналичный расчёт? С вами всё в порядке?

– Да что вы сегодня все заладили со своим хорошо, не хорошо! – И протянул из окна карточку для оплаты. Быстро приложил её к онлайн кассе и, как только увидел, что чек начал вылезать, закрыл полностью окно и заблокировал двери.

– Приеду и наберу Биродзэ, – сказал он и тронулся с места.

Глава 2

Голову словно стянуло обручем. Михаил Борисович выпил старую, надёжную пилюлю и нажал кнопку электрического чайника.

– Сегодня придётся отказаться от кофе, только чай… Надо было ещё вчера набрать Биродзэ.

Щурясь от дневного света, он вернулся в гостиную, увалился в старое кресло, достал из кармана шайбу с бальзамом «Звёздочка» и щедро намазал им пульсирующие виски. Приятный холодок отвлекал и успокаивал.

Нащупав за спиной пульт от телевизора, Михаил Борисович нажал красную кнопку и откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. На экране успокаивающе балерины стучали пуантами по сцене.

Каштанка подошла к хозяину, встала передними лапами на его колени и слышно засопела носом.

– Ох, Каштанка, знаю, знаю, скоро пойдём. Кстати, напомни мне сегодня позвонить доктору.

На кухне стало значительно тише.

– Закипел.

Михаил Борисович не спеша поднялся и прошаркал на кухню. В огромную кружку он щедро насыпал травяной чай, подарок от Биродзэ, и залил его кипятком.

Опустошив посудину, он заметил, как головная боль начала отступать. Михаил Борисович сразу же взял телефон, перевёл его в активный режим оповещений и принялся просматривать электронную почту, сортируя входящие письма.

«О! А вот и от Нины письмо. Боже, о чём мы с ней вчера договорились?.. Ну, она-то, надеюсь, помнит», – успел подумать Михаил Борисович, открывая письмо.

«В продолжение вчерашнего разговора, хочу напомнить о встрече в эту субботу. Но до субботы пришлите, пожалуйста, остальную часть вашего романа. Мы вчера с вами всё обсудили».

– Каштанка, иди-ка погуляй пока во дворе. Давай, давай, не смотри на меня так. Я помню, что обещал тебе, из ума ещё, вроде как, не выжил, – с этими словами Михаил Борисович пригладил аккуратную бороду и распахнул входную дверь. Собака, с каждым шагом оглядываясь на хозяина, нехотя вышла на крыльцо.

Во дворе, ловко перекидывая шланг с одного куста на другой, хозяйничал садовник. Он, как всегда, что-то бурчал себе поднос.

– Иваныч! Ну! Что опять не так? По какому поводу возмущения?

– Цветы когда научитесь срезать так, как я научил? Изверги. Все кусты, как…

– Так я так и срезаю, – терпеливо ответил Михаил Борисович.

– Ну, я ж не на пустом месте всё это… – не унимался садовник.

Михаил Борисович знал, что спорить нет смысла. А также он знал, что этому вечно недовольному старику всегда можно доверить свою любимицу.

– Иваныч, пусть она побегает. Двери на ключ закрывать не буду. Запустите её, как попросится, – указывая на Каштанку, попросил Михаил Борисович. – Я прилягу ненадолго, голова тяжёлая какая-то. Чудится всякое…

– Запущу, запущу. Только мусор, вон тот, – не глядя на Михаил Борисовича, садовник махнул рукой в сторону кирпичного сарая, – сами вынесете. Я не нанимался, я садовник, моё дело малое. – Михаил Борисович не нашёлся, что ответить на очередную грубость и, шагнув в дом, выкрикнул: «Вынесу», – и прикрыл за собой дверь.

В спальне, задёрнув шторы, Михаил Борисович лёг на кровать и не заметил, как задремал.

Проснувшись от собственного храпа, он тут же глянул на часы и выкрикнул:

– Каштанка! – От испуга в голове вновь запульсировало. В ту же секунду он услышал неспешное цоканье по паркету и моментально успокоился.

– Ну что, пойдём гулять? – Обратился он к собаке и одёрнул шторы. Осеннее солнце ворвалось в комнату, слегка ослепив Михаила Борисовича яркими лучами. Каштанка резво выбежала из спальни, дожидаясь хозяина у лестницы. Едва Михаил Борисович приблизился к ней, как Каштанка юркнула у него между ног, мигом спустилась вниз и стояла в ожидании у входной двери, виляя хвостом.

Во дворе пахло свежестью, словно после дождя, и мятой. Михаил Борисович взял стоящий возле сарая пакет с мусором, открыл калитку, выпустил на волю Каштанку, намотал мусорный мешок на руку и потащил его к контейнеру.

– Неужели камни накидал, вредный старикан? Тяжёлый…

Дотащив пакет до мусорного контейнера и едва замахнувшись, чтобы закинуть его как можно подальше, тот разрывается прямо в воздухе и всё содержимое вываливается к ногам Михаила Борисовича.

Он невольно выругался, огляделся и принялся подпинывать ногой рассыпанную кучу ближе к баку. Мусор из большой кучи разваливался на мелкие и от ветра слегка разлетался в стороны. Михаил Борисович махнул рукой и решил было оставить всё как есть, и даже уже развернулся в другую сторону, где его терпеливо ждала Каштанка, как вдруг заметил на сером асфальте скомканный белоснежный бумажный самолётик. Он отвёл взгляд в сторону мусорного бака и там, в рассыпанной куче, заметил ещё несколько скомканных листов.

Осмотревшись, он присел на корточки и один за другим стал вытаскивать комочки белоснежной бумаги.

Ладони вспотели, а в затылке запульсировало так, что Михаил Борисович дёрнулся и закинул руку себе на хребет, словно хотел скинуть кого-то, сидящего у него на шее и стучащего его по голове.

Не успев развернуть один, он брался за новый скомканный лист, потом бросал и его и искал в мусоре следующий.

Предплечьем он утёр капающий пот и опустился на колени.

– Матерь Божья… – Прошептал он. Перед ним в ряд лежало пять бумажных самолётиков.

Михаил Борисович достал из карман телефон и набрал номер.

– Гриша, нужна твоя помощь. Да! Срочно! Как срочно? Как говорят, ещё вчера… – он прислушался к голосу доктора, – Что ж, завтра так завтра. Семнадцать сорок? Раньше никак? Понял, да. – Расстроившись, сказал Михаил Борисович и сунул телефон в карман брюк, даже не отключившись от собеседника.

***

– Голову держим ровно, следим за молотком, – тихо бормотал доктор и начал медленно манипулировать инструментом перед лицом Михаила Борисовича вверх-вниз, влево-вправо. – Хорошо. Закрываем левой ладонью левый глаз, а правым следим за молотком. Отлично, теперь правый глаз правой рукой. Угу, неплохо. Михаил Борисович? Миш? Миша…

***

– Миша! Мишенька! – Кричала бабушка, шлёпая одной ладонью его по щекам, а другой махала перед носом ампулой с нашатырным спиртом. Резкий неприятный запах заставил Мишку очнуться.

В глазах всё плыло, в ушах шумело. Он схватил тёткину ладонь, пытаясь остановить, отмахиваясь от неё изо всех сил, и даже попытался встать, но тётка нажимала на плечи и снова

укладывала его. Мишка сильно напрягся, вытянулся и часто-часто заморгал, наконец-то, он разглядел, что это никакая не тётка, а бабушка Тоня и немного успокоился.

– Мишенька, Миша! Очнулся? Миша, ты меня слышишь? Слава Богу, очнулся! Ну и напугал ты нас всех! Ударился чем? Сильно ударился? Болит что-то? – Всхлипывая, спрашивала бабушка и гладила его по голове, укладывая волосы то на правую, то на левую сторону. – Вон зарос как, и выгорел, стричься надо уже. Ну, ничё-ничё, сходим в нашу парикмахерскую и пострижем тебя нормально, а то висят эти космы, не поймёшь то ли парень, то ли девка стоит. Мишенька очнулся! – Крикнула она в сторону, не отводя от него взгляд. – Будешь водичку? Скорее, дайте ему воды! – Кто-то из-за её плеча протянул стакан с водой. – Ну что вы холодную принесли, хотите, чтобы у него ещё и горло заболело? Из чайника вон плесните в кружку, на столе стоит кипячёная, – говорила она повышенным тоном, пихая стакан обратно. – Боже мой, что за люди, ребёнку холодную воду из-под крана суют! Что же теперь будет-то? Что же делать-то теперь? Ох и натворил ты делов… А вот и не ты это виноват, а мамка твоя вон. Чщ, чщ, чщ, – зашипела Антонина Фёдоровна, когда Мишка начал стягивать мокрое полотенце со лба. – Не трожь, хай полежить ещё, а то шишки повылазют потом, – причитала она сквозь слезы.

Мишка вновь пытался подняться с дивана, но тело всё ещё не слушалось. Он скорчился от подступившей тошноты, и опять в глазах всё поплыло и слегка заложило уши.

– Ну, наконец-то, – демонстративно громко сказала бабушка, когда в дверном проеме показалась бригада скорой помощи. – Сколько можно вас ждать? Дитя вон без сознания лежит, а врачей всё нет и нет, минут трыдцать ждём. А ещё скорая называется.

– Ну где же без сознания, уже в сознании. Не волнуйтесь, сейчас мы его осмотрим, – сказала доктор, села на стул, который принесла бабушка, и начала задавать Мишке вопросы. Мишка глядел на неё, слегка улыбаясь, но так и не смог произнести ни слова. Из-за того, что уши были все ещё заложены, Мишка не отрывал взгляд от её губ. Недавно они с Колькой играли в разведчиков, и Колька учил Мишку читать по губам. Правда Мишке не удалось считать ни одного слова. Надо будет Кольке рассказать, что теперь они будут учиться читать по губам так, как я скажу, – размышлял он.

– Что? Стресс? Само собой пройдёт? – Повторяла за фельдшером Антонина Фёдоровна. – У ребёнка стресс, а вы… само пройдёт?!

– Симптомы кое-какие пройдут, да, а по поводу эмоционального состояния… надо будет работать со специалистами. А сейчас надо окружить его любовью близких, создать условия для быстрого восстановления и не оставлять одного, – советовала фельдшер.

– С какими такими специалистами? – Спрашивала заинтересованно бабушка и смотрела на неё снизу вверх, чуть задрав голову, и постоянно утирала катившиеся сами собой слезы. – А вы что, не специалисты? Вы на что намекаете? Что с ним? Какие такие специалисты? Не нужны нам никакие специалисты, мы сами справимся, да, Мишенька?! – Обратилась она к внуку.

Фельдшер спокойно продолжала осматривать Мишку. Сначала она ощупала его руки и ноги, потом сильно надавила на живот, потом трогала руками голову и поворачивала её вправо-влево. После достала из нагрудного кармана шариковую ручку и принялась ей размахивать вверх-вниз, вправо-влево, а Мишке сказала следить. Мишка не поспевал, он постоянно отворачивался в сторону и искал глазами маму.

– Мы специалисты, но в другой области, мы первую помощь оказываем и всё, – продолжала отвечать фельдшер на вопросы Антонины Фёдоровны. – Сейчас дам Мише полтаблетки, а вторую половинку вы сами дадите на ночь, перед сном. Кормить по желанию. Соблюдайте постельный режим, и главное сейчас – наблюдайте, – дала указания фельдшер и протянула бабушке лекарство.

– А почему он ничё сказать не может? Мычит, как корова, и всё, может, вы дадите ещё какую таблетку, ну или, если надо, укол сделайте. Он смелый у нас, он плакать не будет, да, Мишенька? – Не успокаивалась Антонина Фёдоровна.

– Стресс, говорю же. К специалистам надо будет потом, а вы вот тоже примите, – сказала фельдшер и протянула бабушке большую белую таблетку. – Вам бы тоже надо успокоиться и постараться держать себя в руках, такой стресс даром не проходит.

– В руках, да? Доктор, а я так и не поняла к каким специалистам, это которые этих лечут что ль? – Уточняла бабушка и крутила указательным пальцем у виска.

– Антонина Фёдоровна, я не доктор.

– Не доктор? Зачем тогда халат белый нацепила и советы раздаёшь, раз не доктор? Специалистов советуешь. Это те, что психов лечут, это они-то специалисты? Это что, ребёнок сознание потерял и всё, сразу псих что ль? Сами вы психи! Поразвелось специалистов, а помочь некому. Ничё-ничё, Мишенька, справимся, – пробубнила бабушка и резко отставила стул, на котором сидела фельдшер, от дивана, закинула в рот таблетку и проглотила её. Вытащила из волос железный гребень, зачесала выпавшую челку и села на диван к Мишке в ноги. Он боялся пошевелиться, чтоб его вновь не затошнило, и лежал, как оловянный солдатик, наблюдая за кучей незнакомых людей, которые ходили по дому.

– Папа! – Улыбаясь, прошипел Мишка, но ему казалось, что он так громко закричал, что все сейчас обернутся и, наконец, обратят на него внимание.

– Что? Что ты сказал? – Повернувшись к внуку, спрашивала бабушка. – Почудилось, – решила она и вновь откинулась на спинку дивана, поглаживая Мишку по ногам.

«Эти дяденьки точно из милиции», – сразу определил Мишка по форме с погонами и фуражке с кокардой. Точно такая же в его любимой книжке нарисована. Милиционеры по очереди что-то спрашивали у мамы и папы, иногда и у дяди Серёжи и всё записывали, наверное, чтобы не забыть. Мама им отвечала, потом закрывала лицо руками и сильно плакала, а дядя Серёжа её обнимал.

Мишка обрадовался, увидев папу, стоящего в гостиной. Он сжимал в руке свою кепку и о чём-то спорил с дядей Сережей и мамой, похоже, они сильно кричали друг на друга. Папа злился, стучал кулаком по столу, а потом кинул кепку в дядю Сережу. Дядя Серёжа замахнулся на папу, а мама опять сильно заплакала. К ним подбежали милиционеры и отвели папу в сторону.

«Я, когда вырасту, тоже буду милиционером», – мечтал Мишка. А потом папа закурил прямо в доме и всё время махал руками в сторону мамы с дядей Сережей. Мишка услышал, как звонко задребезжал телефон. Все сразу ринулись к нему, даже бабушка начала вставать с дивана, но папа первый взял трубку, приложил её к уху и тут же бросил на журнальный столик, трубка свалилась со столика и повисла на проводе. Милиционер поднял её, тоже приложил к уху, отрицательно покачал головой и положил её обратно на телефон. Повернулся к папе, положил руки ему на плечи и усадил в кресло возле телефона.

– Собачки, – едва слышно произнёс Мишка, увидев аж двух немецких овчарок посреди их большой гостиной. Он опустил руку с дивана, надеясь, что они сейчас подойдут к нему. «Какие они огромные, жаль, что Колька не видит их, не поверит ведь. Они как в том кино про войну, которое мы смотрели», – вспоминал он.

«Ну вот, папа опять ругает маму из-за меня. Они всегда из-за меня ругаются». Как и тогда, когда Мишка упал со стремянки и сильно ударил руку, папа тоже говорил, что виновата мама. А потом, когда Мишка украл школьный журнал, чтобы выставить себе хорошие отметки по русскому и математике, иначе мама его не отпустит с папой в отпуск, папа тоже кричал на маму и обвинял её. Мишка так задумался, что не заметил, как к нему подошла мама.

– Ты чего улыбаешься? – Громко и строго спросила она, не переставая плакать.

– Это всё от нервов, – отвечала за Мишку бабушка, встав между ними. – Не смотри так на ребёнка, – строго приказывала она. Сама виновата.

– Что-о? Я-я виновата? – Заикаясь, переспросила мама. – Я? Только я, а ваш Боренька не при чём, да? Чуть что, так мать виновата, а то, что отцу нет дела до ребёнка, то и не виноват он вовсе, так получается?

На их крик подбежали папа и дядя Серёжа.

– Мама, хватит, – крикнул папа на бабушку.

– Что хватит-то, что хватит? Не одну жизнь сегодня загубили! Не одну! Вы это понимаете? – Бабушка тыкала в лицо родителям и дяде Серёже указательным пальцем. – Ничего вы не понимаете, – махнув на них рукой, сказала она и отошла.

– Сами-то где были все эти годы? – Спросила мама. – Пришли бы хоть раз и помогли.

– Так тут помощников-то пруд пруди, а всё равно бабка виновата. Хорошо, что деда нет, он бы инхваркт получил от услышанного. В саду вон помогают, в доме уборку сама сделать не можешь. Смотри, как тебя новый муж разбаловал-то, – продолжала бабушка.

– Разбаловал, да, потому что ваш сын не смог! – Кричала в ответ мама.

– Чем же это она так занята была опять, что отправила одних детей в лес гулять? Чем? Али кем? Опять мужика своего ублажала? Нянек полон дом, а на детей всё равно времени нет. Хороша мать… А чуть что, так и не виновна она ни в чем. То отец не такой, то бабка не такая. Теперь и сын не такой, какой нужен был. Так и воспитывала бы таким, какой бы он тебе нужен был. Борька вон пашет сутками, в отпуск его возит каждый год.

– В отпуск? Это к вам в деревню вы отпуском называете? Хм, в отпуск он возит, – крикнула в ответ мама.

– А хоть и так, хоть и в деревню, всё ж лучше, чем с вами под одной крышей детей ваших нянчить, – отвечала бабушка.

– Мама! Алла! Хватит вам уже! Не время сейчас, – взмолился папа и гневно посмотрел на маму и на бабашку.

– А вам всегда не время. Не время, говоришь?! А по-моему, сейчас самое время, сынок, – сказала Антонина Фёдоровна, стиснув зубы, и выдрала у папы из рук ту самую фотографию, которую он милиционеру показывал.

– Заберу я у вас внука, пока вы тут не разберётися, время или не время. В школу буду водить сама…

– Да уж заберите, пока он всех моих детей не угробил, – перебил её дядя Серёжа. – Вон, лежит сейчас, улыбается.

– Что? Что ты сказал? Повтори! – Требовал папа, схватив дядю Сережу за грудки.

– Побойтесь Бога! – С ненавистью сжав губы, сказала бабушка сцепившимся папе и дяде Серёже.

– Одна вы его боитесь, Антонина Фёдоровна, вы ещё этого не поняли? Хватит уже, надоело! – Вырываясь из рук папы, усмехаясь над её словами, не раздумывая, ответил дядя Серёжа.

– Я сейчас арестую вас обоих, если вы сию секунду не угомонитесь и не начнёте вести себя как взрослые люди. Личные отношения будете выяснять после. Это всем ясно? А сейчас дайте пару вещей пропавшего ребёнка, но не стиранных… для собак, – сдержанно говорил милиционер.

– Улыбается? Это стресс! Слышишь, ты, прихожанин, стресс, вон и доктор подтверждает. На, почитай чё написано, – сказала бабушка почти шёпотом и сунула дяде Серёже бумажку, которую фельдшер оставила на столе. – Надо было одного ребёнка толковым вырастить сначала, а потом замуж бежать вновь и других рожать. Где чумаданы ваши? – Обратилась бабушка к маме. – Вещи Мишкины соберу, а то пока вы тут свою личную жизнь налаживаете, у вас дети пропадают. Заберу в деревню, пусть с дедом до школы на рыбалку ездют, и то больше пользы, чем от вашего города. Беда одна… – С этими словами она скрылась на кухне. А потом Мишка учуял знакомый запах.

«Это капли, которые всегда дедушка пьёт, когда нервничает», – тут же вспомнил он.

– Я виновата, ишь ты… – не успокаивалась мама…

***

– Михаил Борисович, очнулся? Это я виновата… Я. Надо было сразу давление померять ему. Он же в коридоре уже сидел зелёного цвета. Не мудрено, что в обморок почти свалился, – лепетала медсестра и продолжала измерять Михаилу Борисовичу давление. – Михаил Борисович, вы меня слышите? Видите? Сколько пальцев? – Не унималась молодая помощница и махала перед ним тонкими пальцами с ярким маникюром. – Ну что ж вы, Михаил Борисович? Беречь себя надо.

– Спасибо, Татьяна Николавна, вы могли бы оставить нас с пациентом вдвоём, – обратился к ней Биродзэ, и та пулей вылетела из кабинета.

– Новенькая, не привыкла ещё, – доктор присел рядом с Михаилом Борисовичем и протянул ему таблетку глюкозы. – Миш, ты чего? На, рассоси, а то давление низкое очень. Ты вообще спишь? Вид у тебя неважнецкий. Давай лёгонького вколю чего-нибудь, а?

– Не, Гриш, я за рулем. Не доеду до дома после твоего лёгонького. А мне сегодня ещё поработать надо. Мне бы лучше чего-то для работоспособности, – с серьезными видом он взглянул на доктора и тут же добавил – да шучу, шучу.

– Так что произошло? Миш, ты извини, я сразу к делу. Сегодня у меня на тебя не так много времени, всё расписано на недели вперёд. Но есть окошко на выходных, вот тогда-то давай встретимся и всё основательно обсудим, хорошо? А сейчас давай самое основное, чтоб я смог помочь.

– Гриш, чувство будто схожу с ума. Забываю, что делал, что писал, куда положил. Чудится черт-те что.

– Не чертыхайся, ну! – Доктор кивнул на угол с иконами.

– Извини, забыл, да, не хотел обидеть, Гриш, – Михаил Борисович положил руку на сердце.

– А что чудится-то? А может и не чудится вовсе? – С нарочито зловещей интонацией произнёс доктор и засмеялся. – Кхе-кхе, пардон, не вовремя. Ну, так с чего всё началось? Нервничаешь опять поди, вот и чудится? Так-то давно тебя не было. Чё, совесть мучает?

Михаил Борисович пожал плечами.

– А чё она тебя мучать-то должна? Обязательства ты все вроде выполнил: алименты выплатил, имущество разделил, так что насладись жизнью, учись расслабляться, в конце концов, а то скоро язву заработаешь, тьфу, тьфу, тьфу, – сплюнул через левое плечо и постучал по столу доктор, взял молоточек и подошёл к Михаилу Борисовичу.

– Следи за молотком и выполняй все мои указания, если вдруг голова закружится, сразу говори! – Подмигнув по-дружески, сказал доктор.

– Кошмары снятся, мигрень дикая, – отвлекая взгляд от молоточка, продолжал жаловаться Михаил Борисович. – Нервно как-то все. Может, я и правда… потихоньку того? – Он покрутил указательным пальцем у виска и присвистнул.

– Да нет, Миш, всё с тобой должно быть нормально. Рефлексы в норме, внимание чуть рассеянное, но это сейчас, просто ты не о том думаешь, вот и отвлекаешься. В целом, не все так и плохо, как ты думаешь. Сейчас таблеточки выпишу, курсом пропьёшь, только курсом, полностью, понял? – С укором посмотрел он на Михаила Борисовича. – А то знаю я как вы все лечитесь, а потом слухи распускают, что врач не помог, а ведь пациенты сами не долечиваются до конца, не выполняют элементарных рекомендаций, а виноват доктор. Так что, Миша, ответственно, пожалуйста, отнесись, – говорил Биродзэ, ставя печать на рецепте. – Миш, рецепт не забудь, вот, ложу его тут…

– Кладу, – тут же перебил его Михаил Борисович.

– Да кладу, кладу, конечно, кладу, вот, видишь, и внимание у тебя в норме. Так что, давай, дружище, – вставая из-за стола и протягивая руку с рецептом, направился он к Михаилу Борисовичу.

– Спасибо, Гриш, что нашёл для меня время в своём сумасшедшем графике, – довольный собственным каламбуром, рассмеявшись, договорил Михаил Борисович, пожал руку доктору, обнял его на прощание, и они разошлись.

По пути Михаил Борисович заскочил в центральную городскую аптеку, вручил провизору рецепт и взамен получил спасительную пачку препаратов и с необъяснимым спокойствием и уверенностью направился в сторону своего посёлка.

Дома его ждала Каштанка, она скребла лапами дверную коробку и громко лаяла, пока хозяин загонял автомобиль в гараж и закрывал ворота. Михаил Борисович немедля выпустил рвущуюся на волю собаку, и та с визгом стала на него прыгать, стараясь лизнуть его прямо в лицо. Михаил Борисович прикрывался руками от неё и громко смеялся. Напрыгавшись, она рванула по каменным дорожкам на участке, огибая клумбы с цветами. Пока любимица резвилась, хозяин взял секатор и нарезал гладиолусов. Некоторые уже успели раскрыть свои яркие бутоны. Зажглись уличные фонари. Их тут же облепили мелкие мошки и стали кружить вокруг них.

Михаил Борисович вошёл в прихожую и не стал закрывать входные двери, дожидаясь Каштанку. Он включил свет, но, опомнившись, тут же его выключил. Мысль о том, что эта мошкара рванёт сейчас к нему на огонёк заставила его передёрнуться.

Не разуваясь, на носочках, он пробрался в гостиную, чтобы сменить цветы. В гостиной мерно стучали часы, а уличный фонарь с параллельной улицы частично освещал камин с полкой. Михаил Борисович положил свежие цветы на камин, взял вазу с увядшими и всё так же на носочках пошёл на кухню. Он вытащил старые цветы и вылил из вазы слегка затхлую воду, сполоснул её и налил свежей. Мельком бросил взгляд на отслуживший букет… В пальцах что-то закололо, руки слегка онемели, и он выпустил из них вазу на пол. Раздался громкий звук, ваза разлетелась на мелкие кусочки по всей кухне. В голове звучал голос садовника: «Цветы, говорю, когда научитесь срезать так, как я вас учил? Не драть, как мародёры, а срезать наискосок! Не драть… а срезать!..» Перед Михаилом Борисовичем лежали увядшие цветы, сорванные с кустов варварским способом.

– Кто? Кто-о-о? – Кричал Михаил Борисович и вертел головой в разные стороны. Он схватил цветы, понесся к входной двери и вышвырнул их за порог. На его крик примчалась с улицы Каштанка и мигом юркнула в дом. Михаил Борисович с грохотом захлопнул входную дверь. От сильного удара было слышно, как в некоторых местах посыпалась штукатурка. Но дверь не слушалась, она ударилась о косяк и вновь распахнулась, Михаил Борисович с ещё большей силой попытался захлопнуть её, но она опять открылась. Он зарычал, словно зверь, прижал её одной рукой и наконец закрыл на ключ. Каштанка бегала и беспрерывно лаяла, иногда даже взвизгивала от громких звуков.

– Кто это делает? Что? Что ты хочешь мне этим сказать? – Задрав голову, прохрипел он. Вернулся на кухню, с силой закрыл окно. Промчался по гостиной, подергал за оконные ручки, ухватился за тяжелые портьеры и резко задёрнул их. Он дышал громко и часто, почти задыхался.

– Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, – считал он капли корвалола в стаканчике, въедливый аромат мигом распространился по всему первому этажу. Михаил Борисович постоял ещё немного, отдышался и закинул в рот таблетку, которую ему выписал доктор, прошёл мимо разбитой вазы и покинул кухню. В прихожей он притулился к дверному косяку, вновь осмотрелся и почти без сил подошёл к дубовой лестнице. Держась за перила, он медленно поднимался наверх. Проходя мимо своего кабинета, остановился, но не решился повернуть голову и убедиться, что там никого нет. «Показалось, – мелькнуло в голове. – Точно показалось!

Точно?» – Подумал он и сделал шаг назад. Он заставил себя повернуть голову и увидел, что за столом неподвижно кто-то сидел.

В желудке сильно запекло, дыхание почти остановилось, ноги словно вросли в пол, в глазах все поплыло, он едва держался.

– Кто вы? Что вам здесь нужно? – Произнёс он осипшим голосом. Чужак в кресле не отозвался.

Михаил Борисович с трудом оторвал одну ногу от пола и шагнул в кабинет. Потом ещё один шаг, пол слегка скрипнул, но незнакомец даже не пошевелился. Правой рукой Михаил Борисович ощупывал стену и искал кнопку, чтобы включить свет. Кнопка, которую он нажимал в день несколько раз, теперь будто играла с ним в прятки. Наконец, он нащупал её и резко нажал. Свет загорелся, Михаил Борисович онемел, его губы начали дёргаться, потом заскакал и подбородок, из глаз потекли слезы.

– Каштанка, – тихим голосом позвал он. – Где ты, когда так нужна? – Он стоял неподвижно, даже боялся моргать. Потом протянул руку и выключил свет, и снова включил. Тут его разразил дикий смех, Михаил Борисович даже приседал от смеха, потом он снова выключал свет и замолкал. Свет вновь загорался, и он хохотал во весь голос. Потом сорвался с места и смахнул с кресла груду наваленного на него белья на пол.

– Ну, Семёновна, ну и шуточки у неё. Опять поди забыла, что бросила бельё здесь и ушла пораньше. Я уж было подумал, что схожу с ума.

Михаил Борисович подошёл к книжному шкафу со стеклянными дверцами, распахнул его и достал оттуда дорогой сердцу экспонат. Повалился с ним на маленький жёлтый диванчик в кабинете у балкона. Он уставился в одну точку и иногда тяжело вздыхал. Веки сделались тяжелыми и закрывались сами собой, пространство наполнилось тёплым жёлто-оранжевым светом, опустилась тишина, секундная стрелка замедлила ход. Михаил Борисович тщетно боролся с напавшей на него дремотой, чувствуя, что проигрывает…

– Мишка, внучок, вот смотри, – рассказывал дед, сидя перед Мишкой на корточках и тыча ему в лицо «Зенит». – Это фотоаппарат, зеркальный, – поднимая указательный палец вверх, объяснял дед. – Это стёклушко – видоискатель. Смотришь в него одним глазом и ищешь объект, который хошь сфоторафировать. О, вон бабка бельё вешает, но на неё мы кадры тратить не будем, нужно что-то красивое найти, – громко смеясь от собственной шутки, еле договорил дед. – Главное, пальцами не трогай его, ну, стеклушко это, и вот эту линзу тоже не заляпай, – повернув фотоаппарат объективом к лицу, показал дед. Потом дыхнул на него и протер нижним краем своей тельняшки. – Вишь как блестит на солнушке?

– Угу, – с интересом отвечал Мишка и утирал катящиеся капли пота со лба.

– Вон, гляди, как Туман красиво стоит. Как волк. Давай его щёлкнем, хошь?

– Да–а, давай, – потирая друг о друга грязные руки, ответил Мишка.

– Щас, настроим аппарат и можно будет щёлкнуть. Вот это колесико слева – это выдержка, чем меньше цихра, тем дольше он фоторафирует, понял? Но сперва надо вот этот рычажок довести до упору и отпустить, вот так, – демонстрировал дед. – Так ты перемотаешь плёнку и можешь сымать новую фоторафию. – Тута вот диафрагма, – тыкал он длинным указательным пальцем, – чем меньше цифра, тем больше размытый фон получится. А вот это колесико – это фокус, – Мишка тут же вытаращил удивлённые глаза на деда. – Да не той фокус, шо в цирке, – смеялся дед, – фокус – значит резкость, ну чёткая получится фотокарточка. Это очень мочный фотоппарат, запомни это Мишка. – Дед приподнял с глаз очки и нацепил их на макушку, одним глазом посмотрел в видоискатель, покрутил колесики и нажал на пуск. Фотоаппарат издал приятный щелчок. – Ну, все, Мишка, сфоторафировали Тумана, тока бабке не говори, а то она ругаться будет, что я кадры на пса трачу. Она ж в искусстве ничё не понимает. А ты запоминай и учись. Слышь, внучок, когда я умру, он тебе достанется, – дед достал папи-

росу, прокрутил её между пальцев, та едва слышно зашуршала, дунул на неё с обеих сторон, поднёс спичку и затянулся.

– Эй вы, фотографы, идите йисть, – закричала в форточку бабушка.

– А шо там? – Спрашивал дед.

– Та какая разница шо, шо дам, то и будешь йисть. Ишь, ты. Шо йисть… Раз спрашуешь, значит не голодный, – кричала бабушка. – Борщ та галушки, шо йисть, ишь, перебирает.

– Борщ я люблю, и ты, Мишка, давай руки мыть и пошли, пока бабка ругаться не начала. На, тащи фотопарат в дом, ток под ноги смотри, не урони. Это твоё приданое, Мишка. А я докурю и тоже приду.

Мишка заскочил в дом, прошёл в комнату, где стоял комод, и аккуратно положил на него фотоаппарат, но уходить не собирался. Он вновь взял его в руки и посмотрел в стёклышко, но ничего, кроме черноты не увидел.

– Деда, – закричал испуганно Мишка, – он сломался, ничего не видно в стёклышко, – чуть не плача, кричал из дома Мишка и вытирал пот подолом старой футболки. – Фух, как же жарко.

– Ха-ха-ха, Мишка, да это же я объектив крышечкой закрыл, чтоб линзу не испортить, – крикнул в форточку дед. – А ну, ставляй на место его давай, ставляй, ставляй, – командовал дед, подходя к окну.

Мишка привстал на носочки и потянулся было положить фотоаппарат на комод, как тот выскользнул из рук…

Михаил Борисович проснулся весь в поту, в груди стучало, но на душе было так хорошо.

«Давно мне дед не снился, – думал он. Чуток прищурившись, пытался разглядеть который сейчас час. За окном уже светило солнце и очень пекло, проникая даже через светлые, но плотные шторы. – Ого, восьмой час. Вот это да. Давненько я так крепко не спал, ну, Биродзэ, ну молодец. Лёгонькое выписал. После такого себя не вспомнишь».

– Каштанка, ко мне, – и тут же раздалось цоканье. Собака лениво шла из спальни в кабинет к хозяину. Михаил Борисович лениво привстал с диванчика, взял фотоаппарат «Зенит», снял крышку с объектива, взвёл рычаг до упора, как учил его дед, нажал на пуск и вернул его на место в шкаф за стекло.

***

Иванович собирал разбросанные цветы по двору и ворчал;

– Ну, ну вот то, о чём я и говорил. Варвары… Мало того, что срезать правильно так и не научились, так ещё и убирать за собой не приучены.

– Да будет тебе, Иванович. Ты же знаешь, что мужик-то он хороший. Ну слегка заносчив. Но кто сейчас без характера? Тем более, он мужик видный. Да и вообще, он последнее время неважно выглядит, – защищала хозяина Екатерина Семёновна.

– Так чё ему мешает выглядеть лучше? Вон всё для этого есть. Пиши, когда удобно, спи скока хошь, а все несчастные. Мы вон всю жизнь пахали. Нам унывать некогда.

– Иваныч, прекрати возмущаться. Тебе-то что? Зарплату всегда вовремя платит, не хамит, да и ты разве не любимым делом занимаешься? Вон, глаза-то как горят, когда росточки твои принимаются, а когда цветы бутоны раскрывают, ты сам, как георгин, расцветаешь. Богатые тоже, как говорится, плачут. Да и вообще, мало ли что. Все мы люди. Может неприятности какие, или со здоровьем может чёт серьёзное, не дай бог, конечно. Я утром в дом зашла, а там… и ваза разбита, стёкла по всему дому валяются, шторы с петель сорваны, и вещи разбросаны по кабинету, но тут моя вина, конечно, память иногда того, шалит, вот я и забыла их там. И спать похоже, что он не ложился, кровать будто и не разобрана вовсе. А ещё уехал куда-то в такую рань, обычно ж спит ещё, а тут… Работал, может, всю ночь, да чего-то не получалось, вот и вырвались эмоции наружу. Ты словно молод не был.

– Так он уж и не молод, – бурчал садовник. – Пора бы уметь контролировать свои эмоции.

– Всё, Иваныч, будет тебе. По-моему, он сейчас опять к доктору ездит, а значит скоро всё наладится, – отвечала Екатерина Семёновна и вытряхивала вязаный белый плед.

Глава 3

Пока он открывал входные двери, по ту сторону лаяла Каштанка.

– Каштанка, тихо, свои. Тихо!

Дверь отворилась. Каштанка сунула нос в руку и приветственно махнула хвостом. Он вытащил из пакета только что купленные сосиски и дал ей одну. Собака аккуратно взяла лакомство и утащила его на лежанку.

– Дел невпроворот, а времени в обрез, так что постарайся не отвлекать меня, милый друг, ладно? – Договаривался он с собакой, направляясь к рабочему месту. Достал из сейфа ноутбук, отложил в сторону рабочие очки, открыл нужный файл и стал записывать текст, ловко набирая его на клавиатуре.

***

«Он знал, что уже через полчаса у Ирмы полностью перестанет биться сердце…» – перечитал он, чтоб освежить воспоминания о написанном.

– Ну, что ж, продолжим, – подбадривал сам себя Михаил Борисович.

«Снег ложился плотным слоем, покрывая лобовое стекло. Дворники не справлялись с навалившейся на них работой, поэтому ему приходилось останавливать машину и руками счищать снег со стекла. В машине было очень холодно, руки коченели, но, несмотря на всё, это был очень важный день в его жизни. Наконец-то сквозь пургу он разглядел высоченный забор. Достал из пуховика маленький пульт и нажал кнопку, ворота открылись. Он отстегнул Ирму и вышел из машины, открыл пассажирскую дверь и взвалил девушку себе на плечо. Поднялся по заснеженным ступеням на порог и открыл входные двери. Из дома сразу повеяло теплом. Он занёс её в большую комнату, кинул на диван рядом с неподвижно сидящим мужчиной и добавил:

– Располагайся и чувствуй себя как дома. Давай я помогу тебе раздеться, так ты быстрее согреешься, дома очень тепло. Ну вот, так значительно лучше, – практически срывая пальто с Ирмы, заметил он. – Только какая-то ты лохматая, – добавил он, смеясь и приглаживая своей рукой её волосы. – Не волнуйся, я расчешу, подожди минутку, – сказал он и метнулся в прихожую за расчёской. – Вот, сейчас сделаем тебе укладку, только ты сядь поудобнее, а то мне не с руки так, – говорил он и тянул её за одну руку, усаживая на диван. Ирма постоянно сползала и падала лицом в подушки. – Ну поднимайся же, что ж такое… – Нервно говорил он. – Поставь ноги на пол, вот. Теперь сиди ровно!

Ирма сидела, опершись на спинку дивана и опустив голову вниз. Он спустил её чуть ниже и зафиксировал голову так, чтобы она смотрела прямо на него, и принялся медленно её расчёсывать.

– Забыл, – испуганно произнёс он. – Сейчас, – и скрылся на кухне. В скором времени он вернулся с серебряным подносом в руках и поставил его на журнальный столик возле дивана. На подносе стояли три чашечки с горячим чаем, хрустальная маленькая ваза с крекерами, креманка с облепиховым вареньем и тюбик губной помады. Он сел возле Ирмы и предложил ей попробовать бабушкино варенье. Потом заботливо смахнул пылинки с её изумрудной водолазки, расправил от складок оранжевую шерстяную юбку, взял с подноса помаду морковного цвета и накрасил Ирме губы.

– Мы так давно не виделись… – Он вскочил с дивана и отбежал на середину комнаты, посмотрел в видоискатель, проверил настройки, ещё раз глянул в экран камеры. – Вы прекрасная пара, – сказал он и установил таймер. Быстренько вернулся к дивану, поправил галстук сидящему справа от Ирмы мужчине и плюхнулся между ними. – Мам, пап, улыбайтесь будто мы счастливая семья, – произнёс он и широко улыбнулся. Прозвучал щелчок фотоаппарата. – Готово. Ну вот, – с грустью в голосе продолжал он, – вам пора уходить, вот так всегда, мы даже

не успели ни о чём поговорить. Ой, подождите, не уходите, я быстро, – пообещал он и скрылся в соседней комнате. Вскоре он вернулся, держа в руках распечатанную фотографию. – Смотрите какие мы все красивые, – усевшись на диван, вырезал своё изображение с фотографии и после протянул фото Ирме и попросил беречь его.

– Я так рад, что вы нашли время и приехали ко мне. Это так важно для меня. Но, к сожалению, вам пора, – сказал он и принялся провожать своих гостей».

– О Боже мой, вот время летит. Пора мне убегать.

Он спрятал ноутбук в сейф, быстро спустился по лестнице, дружески хлопнул Каштанку по хребту: «Пока, я скоро вернусь, не грусти!» – и захлопнул входную дверь.

Глава 4

Телефон лежал на столе и почти без остановки вибрировал.

– Кому это я понадобился на ночь глядя?

Михаил Борисович вырвался из объятий мягкого кресла, заложил указательный палец между страниц, чтобы не потерять на чём он остановился, и подошёл к столу.

– Бороться и искать, найти и не сдаваться, – он положил книгу на стол, она тут же перевернула все страницы, оставив открытым только форзац, на котором было написано «Лучшему другу от Кольки».

– Колька, дружище… – При воспоминании о старом друге его голос делался мягким.

Михаил Борисович взял в руки ненавистный телефон и развернул список уведомлений на экране. Среди них было письмо от редактора, иллюстратора, от банков и турагентств.

Не мешкая, он проставил галочки напротив некоторых писем и отправил их в корзину.

– Нина, Нина, что ты хочешь мне сказать? – Бормотал он, открывая письмо от редактора.

«Михаил Борисович, всё прочитала, всё нравится, напряжение нарастает. Вы действительно гениальный писатель. В некоторых местах мне показалось, что это не ваш стиль, но так даже лучше. В общем, отличный ход. Жду продолжения и дальнейшей встречи. Вам бы чуточку поспешить.

С уважением,

Нина Геннадьевна».

– Нин, ты чё там, перегрелась? Какой текст, что происходит-то? Из всего, что ты написала, я согласен только с тем, что я гениальный писатель, – раздраженно размышлял он и запивал водой вечернюю пилюлю. – Эти женщины вечно взбаламутят, – он вернулся в кабинет с ноутбуком в руках. И только собрался включить его, как вдруг психанул и захлопнул крышку.

– Не хочу ничего. Завтра. Всё завтра, – сунул в сейф. – А что, если это серьезно? А вдруг провалы… Вдруг наследственное… А может возраст? Альцгеймер помолодел? Мне нет и шестидесяти! Но есть же случаи ранней деменции… или нет? Не хочу… не хочу об этом думать сейчас! – Выпалил он. – Но пока есть чем, может, стоит и подумать. Может, Биродзэ прав, надо сделать хотя бы эту электро… как её там? Энцефалограмму, о, вот вспомнил же вроде…

Михаил Борисович ухватился за телефон и настрочил Биродзэ сообщение: «Гриш, скажи, пожалуйста, ранняя деменция возможна? Если в анамнезе есть. У меня, похоже, опять провалы. Хотя я не уверен. Даже боюсь это проверять. Знаю, знаю, что скажешь. Я, наверное, уеду на пару дней. Ехать мне недолго. Если что, остановлюсь, отдохну. Извини за позднее сообщение. Как сможешь, набери, пожалуйста».

Следующее сообщение он адресовал абоненту «Марина дом».

«Марина, здравствуй. Извини, что слишком поздно. У меня форс-мажор. Завтра хочу выехать к вам, буквально на день. А то… на душе гадко как-то. На могилку надо, да и на дом гляну, что там с крышей, ты говорила. Как раз к дождям успеем подлатать. Благо в наших краях осень тёплая».

И неожиданно тут же получил ответ: «Ой, здравствуйте, ничего, я не сплю ещё, работаю, план пишу на учебный год. Конечно, приезжайте, я всегда вам рада. Если вдруг меня дома не будет, я до пяти на работе в школе, то ключик на крылечке под крышей на перекладине. В палисаднике груши ваши любимые поспели, съешьте обязательно, они в этом году особенно сладкие. Спокойной ночи. До встречи».

На улице моросил тёплый августовский дождь. Михаил Борисович приоткрыл окна и включил дворники. «Дождь в дорогу – это хорошая примета» – всегда говорила Мишке

бабушка. Сосредоточившись на дороге, Михаил Борисович гнал дурные мысли и наслаждался концертом классической музыки на любимой радиоволне.

Вскоре идиллию прервал телефонный звонок.

– Алло, Миш, привет, ты ещё в пути?

– Да, привет. Уже меньше половины осталось и я на месте. Связь пропадает иногда, так что не теряй меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.